

ДЬЯВОЛ. КОШМАР МЕРАБА МАМАРДАШВИЛИ

Майсурадзе Г. (Тбилиси—Берлин)

Для того чтобы была мысль,
должна быть темнота, которая заставляет мыслить.
*Мераб Мамардашвили*¹

Мераб Мамардашвили однажды обмолвился о Дьяволе, и, кажется, сейчас стоило бы поговорить об этой обмолвке. Дьявол у него — фигура, посредством которой мысль обретает плотность, вязкость и тем самым за-вязывает того, кто находится в кругу ее воз-действия. Фигура, изначально, что она значила на латыни, — это «пластическое образование». В этом слове, с одной стороны, лежит поэтическая игривость, аллегоричность, с другой же стороны, этот смысл оно получило в христианском Средневековье — значение реально сущего пророческого образа (*Realprophetie*), в нем совокупляются все значения и знаки, не имевшие до его откровения в качестве фигуры конечного смысла². Она не статична, как окаменевший праобраз, от которого можно было бы воспроизводить репродукции какого-то невидимого оригинала. Ее нельзя поставить на сцену в качестве реквизита. Можно только оказаться у нее во власти, в ее плену. Она возникает, образуется в виде существа, такого, которое перевоплощает все, что к нему причастно, из одного состояния в другое, как дух в учении апостола Павла оживляет убитых от букв (2 Кор. 3: 6–7)³. Для такого перевоплощения нужно не только и не столько признание или вера, скорее, нужны пространство и сцена. И вот на этой сцене фигура должна воплотиться в действующие лица. То есть фигура всегда находится за *закулисами*, на сцене же находятся те, которые перевоплощаются в фигуру в мгновение движения мысли, и она показывает себя как нечто невысказываемое (*Unaussprechliches*) у Витгенштейна⁴.

Сама по себе мысль не фигуральна, но она трансфигурируется, приобретает облик фигуры тогда, когда мыслящий отходит

¹ Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. М.: Ad Marginem, 1995. С. 69.

² Auerbach E. Figura // *Gesammelte Aufsätze zur romanischen Philologie*. Bern, 1967. S. 70.

³ Ibid. S. 76.

⁴ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат, 6.522.

в сторону или подвергается воздействию той или иной фигуры. Мысль в фигуре становится действительностью, как и фигура становится дееспособной в движении мысли.

Одна из таких мамардашвилиевских фигур, действующих на мыслящего, — это дьявол: «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно»¹. Он играет нами, вернее, мы оказываемся в его власти тогда, когда мы сбиваемся с «точности». Неточность — это то обстоятельство, в котором происходит воплощение фигуры дьявола. И эта фигура неточно мыслящим выносится на сцену. По Мамардашвили, это и произошло в Советском Союзе с интеллигенцией, сыгравшей роль пешки, актера или даже соавтора идеократического государства. Интеллигенция тем самым превратилась в номенклатуру духовности, мыслителя «в законе». А философ может находиться только вне «закона», так как философствование вносит хаос и деструкцию в застойную систему идеологии, где на все вопросы уже даны окончательные ответы.

О таком роде «неточности» пишет и Александр Пятигорский, для которого неверно выбранная поза мыслящего — это его стремление быть убедительным: «Быть убедительным — главное качество актера. Актер не может быть философом: ему верят. Если философу верят — он уже не философ, а актер идеологической сцены»².

Неточность для Мамардашвили, в каком-то смысле, еще и этическая проблема: «Точность мышления есть нравственная обязанность того, кто к этому мышлению приобщен», — говорит он в том же интервью. Чтобы объяснить «неточность», он приводит сцену, когда человек «приобщенный к мышлению», «представленный к инструментам культуры», заявляет: «Я не того хотел»³. То есть «неточность» мышления дает себя опознавать в разочаровании мыслящего: с одной стороны, разочарование связано с крушением идеалов, к примеру Октябрьской революции и социализма в СССР, что и случилось с интеллигенцией, искренно верившей в эти идеалы, ибо разочароваться можно только тогда, когда вера предполагает искренность⁴.

¹ Мамардашвили М.К. Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. С. 131.

² Пятигорский А.М. В сторону Глюксмана // Пятигорский А.М. Избранные труды. М.: Языки славянской культуры, 1996. С. 134–135.

³ Мамардашвили М.К. Дьявол играет с нами, когда мы не мыслим точно. С. 131.

⁴ См.: Мамардашвили М.К. Мой опыт нетипичен // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. С. 356.

Мамардашвили хотя и называл свой опыт «нетипичным» (он все же не верил в подобные политические идеалы), примечательно, что он говорит и о другом опыте разочарования: «Тридцать лет я жил в России и верил, что мы, грузины, все-таки не такие темные, как русские... Мне думалось, что раз грузины — жизнелюбивы, раз, обладая чувством юмора, смогли сохранить сердце и старинный образ рыцарства, значит, остались индивидуалистами, скептиками и т. д. Значит, их невозможно поработить окончательно. Я это констатировал буквально изо дня в день, будучи в Москве. Вернулся, и оказалось, что это было иллюзией, что процесс ментального, психического, словесного разложения зашел слишком далеко...»¹ Тут можно сказать, что именно этот опыт и оказался главным мотивом философии «позднего» Мамардашвили. «Психологическая топология пути» — тема, или линия, которой отмечено его творчество этого периода, пересекается с его реальным путем к родным местам.

Вернувшись в Тбилиси, Мамардашвили в 1982 и 1984 годах читает лекции о Прусте, называя их «Психологической топологией». Александр Пятигорский как-то в полушутку заметил, что Пруст у Мамардашвили выступает в такой же роли, как Заратустра у Ницше². Курс лекции о Прусте — это не академическая интерпретация французского писателя. Пруст — главный протагонист или даже выдуманный собеседник философа, как Сократ в диалогах Платона, как Вергилий в «Божественной комедии», вместе с ним и с его помощью автор занимается своим собственным невозможным путешествием к тому месту, которое находится не в пространстве, а во времени. Цель и направление указаны в предисловии печатного издания этих лекции, написанного автором уже в 1990 году, которое начинается «признанием»: «Если я вообще что-либо узнал, достойное этого названия, то только в юности и только в свете опыта — таком слабым и колеблющемся! — который французы странным образом называют “невозможной любовью”». Тут сразу же преподносится то, что часто можно услышать в обертонах «Лекции»: это место, где собрано все, что составляет понятие, называемое «Родиной»: «Легенды, коллективное знание, историческая память

¹ Мамардашвили М.К. Грузия вблизи и на расстоянии // Новое русское слово. 1995. 25–26 нояб. С. 8.

² См.: Пятигорский А.М. «Мысль держится, пока мы...» // Избранные труды. С. 205.

(единство которой и есть моя история), ежедневно разыгрываемые за Столом, когда любое событие превращается в праздник, в пир, несет за собой радость»¹. Но эта «моя история» и содержит диссонанс, несоответствия: «Мы принадлежим друг другу — и этого никогда не будет. Я грузин — и никогда не был грузином»². Идентифицировать себя с нацией, представлять ее, быть при «своих» и одним из них, то есть играть «грузина», оказывается для него тем, что греки называли *оксюморон*, — понятием объединяющим исключающие друг друга противоречия. Он грузин и негрузин одновременно. Понять смысл такого несоответствия можно, только вычитав его в себе. Но для этого нужна «другая книга»: «Читать в себе! [...] предложить записную книжку самого себя, в которой я снова с любопытством читаю — с помощью Пруста»³. Таким образом, Пруст становится как бы фигурой Вергилия, но ведь Пруст — не только проводник. За его спиной скрывается другая, невидимая фигура, которую Новалис называл единственным истинным проводником и которая обозначается немецким словом *Heimweh*.

Heimweh — это «ностальгия». Это слово состоит из двух частей. Они и составляют психологическую гравитацию Родины: «дом» (*ностос* — «возвращение домой») и «боль» (*альгос*). Хорошо знакомый Мерабу Мамардашвили французский философ Гастон Башляр, называя свой метод «топо-анализом», попытался феноменологически объяснить психологическую привязанность человека к своему Дому, то есть к месту рождения и детства. Он пишет: «Когда в новом доме нам вспоминается прежнее жилье, мы попадаем в страну Незыблемого Детства — застывшего, будто край Незапамятного. Это переживание фиксаций — фиксаций блаженства. Переживая в воспоминаниях чувство защищенности, мы успокаиваемся. Укрытие должно оберегать воспоминания, сохраняя их образную ценность. Воспоминания о внешнем мире никогда не имеют той тональности, что присуща воспоминаниям о доме, к которым мы присоединяем ценности воображения»⁴. Из таких «фиксаций» и воспоминаний строится сакральная география родины, которая и производит силу тяготения, называемую ностальгией. Эта сила дееспособна только за пределами конкретной, эмпирической географии родного

¹ Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. С. 8.

² Там же.

³ Там же. С. 9.

⁴ Башляр Г. Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. С. 19.

места. Человек под давлением такого напряжения начинает воспроизводить ее в некий миф Родины, превращая фиксации и воспоминания в строительный материал тяготящей конструкции. Функцию такого мифа можно назвать «контрапрезентной». Обычно этот термин применяется на коллективном уровне для обозначении мифической («мифомоторной») конструкции культурной памяти, когда настоящее заменяется выдуманым или гипертрофированным героизмом прошлого, который должен компенсировать отсутствие таких идеалов в настоящем¹. Но в таком механизме есть и сугубо индивидуальные основы: человек, под психологическим давлением того тяготения, которое называется тоской по Дому или ностальгией, создает для себя некую опору в виде мифа о превосходстве родного места или «родной» культуры, даже на самом бытовом уровне². Такой миф мог бы перевесить то пространство, тот мир, куда человек «заброшен» и где не может чувствовать себя как в собственном доме. И тут фигура «дьявола» начинает «играть» мыслящим под маской Родины, включая в эту игру все психологические механизмы тяготения тоски. Об этом предупреждал еще Ницше, когда писал: «Горе тебе, если тебя охватит тоска по родине, словно бы там было больше свободы»³.

Передвижение в пространстве в поисках того места, которое отождествляется с родиной, всегда обречено — его конец всегда несет с собой разочарование. Предмет тоски теряет свои чары, и вернувшийся на Родину как будто пробуждается ото сна и сталкивается с реальностью, похожей на самый страшный кошмар: «Я просыпался в одном из самых провинциальных мест черного туннеля, в котором мы находились, где не было никакого просвета. Я имею в виду свою жизнь в Тбилиси»⁴. Кошмар — это окаменевшие в памяти чувства, полые кристаллы, не выдаю-

¹ Cp.: Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. München, 1999. S. 79.

² Михаил Рыклин вспоминает, как Мамардашвили сопоставлял русский быт с грузинским: «Посмотрите на тбилисские дома, тротуары, — говорил он. — Грязные дома, обветшалые ворота, зато внутри благоустроенные квартиры, забитые вещами, высококачественной импортной аппаратурой. Эта атмосфера отражает самоуважение грузин, которое отсутствует у русских. Русские готовы есть селедку на клочке газеты. Нормальный, невыродившийся грузин на это неспособен» (Рыклин М. «Я истину ставлю выше моей Родины»: Мераб Мамардашвили о Грузии, России и Европе // Новая газета. 2008. 9 сент.)

³ Nietzsche Fr. Die fröhliche Wissenschaft, III, 124. Kritische Studienausgabe, III, München 1980. S. 480.

⁴ Мамардашвили М.К. Вена на заре XX века // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. С. 388.

щие тех грез, которые, казалось бы, замурованы в вещах, находящихся в локальном пространстве происшествия. Но лишь после столкновения с ними, после опыта разочарования и начинается другой путь. Разочарование же может быть результатом того, что «мы не мыслим точно», но оно дает нам возможность исправить эту «неточность». Мгновение разочарования может стать для человека началом прозрения. Когда в доброте и в веселье он замечает: «Настолько все фальшиво, настолько заполнено симулякрами, которые неотличимы от истинных образцов <...> потому, что место добра уже занято симуляком выражения добра»¹. Симулякры и имитации — это тот готовый мир, в который человек «заброшен», и он вынужден следовать тем правилам и понятиям, которые уже заранее заданы: «В действительности мы воспринимаем не вещи, не предметы, а воспринимаем предметы в терминах и в свете их названий. То есть начавшееся восприятие имеет дело с готовым миром, или, что то же самое, — с мертвым миром»².

В «Лекциях о Прусте» Мамардашвили, с одной стороны, «деконструирует» или детерриториализирует Родину тем, что отделяет тоску по Дому от локального места происшествия. Воспоминания или переживания, по которым человек тоскует, приобретают в памяти вещественную форму: они отождествляются с теми вещами или местами, в присутствии которых или где они произошли. «Они — как они видимы, то есть пространственно, — лишь тонкий срез всех сопутствующих впечатлений, которые вошли в нашу жизнь тогда, когда мы воспринимали. И воспоминание о каком-либо образе есть в действительности лишь сожаление о некотором ушедшем моменте»³. Прошлое, таким образом, переживается как нечто пространственное. «Здесь пространство — все, ибо время уже не оживляет память»⁴, — пишет Башляр. Находиться в этом локальном пространстве и следовать правилам, продиктованным этим пространством, которому человек по закону рождения принадлежит, — это можно сравнить с состоянием, которое Мамардашвили в своих сочинениях называет эмбриональным, или состоянием полурожденности. Фигура Родины — то материнское чрево, которое не дает родиться собственным детям, унифицируя все их качества и

¹ Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. С. 174.

² Там же. С. 304.

³ Там же. С. 251.

⁴ Башляр Г. Указ. соч. С. 20.

стремления, сводя все под знак принадлежности и репрезентации локального пространства.

Утраченное или потерянное (*perdu*) время — это то «место», которое не находится в пространстве; оно находится во времени, а поэтому надо пройти этот путь во времени, чтобы попасть в него. Но когда мы наблюдаем за пространственными или материальными вещами, которые вызывают какие-либо чувства или воспоминания, они тут же теряют привязанность к конкретному месту. Они оказываются вне пространства. И тут прустовский опыт сливается с опытом Мамардашвили: «Куст розы, который вдруг остановил меня ударом впечатлений, на уровне наблюдения — такой же, как куст в Комбре или куст в Тбилиси. И, выйдя, выскочив из личного корня на поверхность внешних сравнений, я оказываюсь в царстве абстракций, или общих понятий...»¹

Метафора — «Психологическая топология» хотя и описательного значения, но ее можно понять как некую стратегию де-локализации кристаллизованных чувств и переживания. Это перманентное усилие, которое требует особой мобилизации сил: «А мобилизация сил состоит как раз в том, чтобы выпасть, не попасть в игру готовых ассоциаций, готовых сцен, заложенных в тебе, как в конкретном психофизическом существе с определенной биографией»². В подобном усилии подразумевается перевод окаменевших впечатлений из географического пространства в пространство воображения. Мамардашвили определяет воображение как «способность видения невидимого. <...> Видеть то, изображение чего держится лишь силой слова»³. Задача состоит в том, чтобы, во-первых, отделить друг от друга сварившиеся из-за «неточного мышления» предметные впечатления, которые сцепились в памяти, де-локализовать место происхождения, убрать из географического пространства и от вещей, в которых это происшествие кристаллизировалось: «Тот опыт, который описывается в романе Пруста, вообще невозможно понять, даже понять сам факт его существования, если мы не поймем, что он совершается в отказе от предположения, что человек имеет дело с неким завершившимся до его участия миром смыслов, значений и знаков»⁴. А во-вторых, чтобы их понять,

¹ Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. С. 320.

² Там же. С. 203.

³ Там же. С. 288.

⁴ Там же. С. 323.

надо извлечь из них опыт, чтобы не попасть в зависимость от симулякров и путаниц, которые производят «неточное мышление». Иными словами, надо перебраться из мира мертвых и полых знаков в мир живой: «А быть живым означает невозможную для нас вещь: пребывать в каждый момент в полноте чувств. В полноте того, что мы в ищем за предметами. Это и есть высшее совершенство. И тот мир для нас мертв, перед которым мы сами мертвы, то есть мертвы наши чувства»¹. Оживить этот мир — значит создавать его всегда заново в собственном воображении. Для писателя же это подразумевает, что надо написать роман, через который можно было бы освободиться от самой страшной зависимости — зависимости от фиксаций, которые тянут обратно к вещам. А ведь смысл этих вещей находится за их пределами. Но дело в том, что желание, которое движет человеком, локализовано в предметах. Тут Мамардашвили вводит одно словосочетание, взятое у Пруста, которое по сути есть оксюморон: *метафизическое апостериори* — нечто одновременно метафизично, то есть априорно, и оно не подлежит переводу в конечные термины; но оно же дается человеку после опыта, то есть — апостериори. По Мамардашвили, это значит, что «сознание или человек двинулись, произошла какая-то локализация, и только тогда появляется метафизический априорный элемент по отношению к опыту»². Это значит, что метафизический апостериорный элемент находится в том предмете, в котором он случайно локализовался. Но если не извлечь опыт, можно попасть в порочный круг повторений и разочарований. Извлечение опыта — это способность найти в предмете нечто другое, которое способствует пониманию того, что в нем локализовалось. Извлеченный опыт означает, что человек, следующий за притяжением своих чувств, ищет одно, а находит другое. Это «другое» не обретаётся в самом предмете, но путь к этому «другому» проложен через предмет, тот, в котором локализованы движущие человеком желания и чувства, производящие ту гравитацию, которая известна под названием «тоска по Дому». Если тут еще раз обратиться к Новалису, то «тоска по Дому» (*Heimweh*) и есть та сила, которая приводит человека в движение. Новалис видел в этом основной нерв философии: «Философия на самом деле есть ностальгия (*Heimweh*), стремление — быть везде у себя

¹ Там же. С. 249.

² Там же. С. 412.

Дома»¹. Если вспомнить хайдеггеровскую трактовку этого афоризма, то «езде» означает «Целое», «Вселенное», место, куда нас отправляет наша ностальгия². Оно, это место, «лежит» выше всех локальностей и не подлежит расчленению. И тогда философ деллокализует самого себя, находясь везде у себя дома. Это значит — нигде не быть оседлым. Опять же, это состояние, которое можно назвать оксюмороном: «Я грузин — и не был грузином». В предисловии к «Лекциям о Прусте» Мамардашвили задает вопрос, на который нужно найти ответ в книге: «А может быть, потому, что философ — всегда шпион? Гражданин “неизвестной Родины” и ее свидетель в этой?..»³ А что такое — быть «шпионом»? Самый короткий ответ был бы таков — не производить репрезентацию той или иной фигуры, с которой мы связаны по каким-то знакам происхождения или принадлежности, — тогда эта фигура теряет власть над нами, не будучи в состоянии играть нами. «...И философы, и поэты — это, конечно, шпионы. Они всегда в чужой стране представители чего-то другого»⁴. Такого рода «шпионство» и есть то состояние универсалистского философствования, исходящего от стоиков и апостола Павла, что Мамардашвили к концу жизни переводит на политический язык:

«С тех самых пор, как существует евангелическая точка отсчета, с тех пор, как существует мировая история, существует одна простая закономерность: реальная культура и духовность человеческая не могут быть ограничены тем этническим материалом, в котором они выполняются. Любая социальная или национальная общность, как бы она ни была велика, даже если бы она была единственной, все равно оставалась бы частностью, отдельностью, а не универсальностью. Так вот, эти личностные начала, которые именно на универсальное «зацеплены», являются и условиями нормального существования и полноценного, живого функционирования черт национального характера. <...> Именно это — основа любой духовности, ибо суть ее в том, что выше родины в ней всегда стоит истина (правда, это, кстати, христианская заповедь), и лишь личность способна превыше

¹ Novalis. Das allgemeine Brouillon 1798/99. Fragment N 857. Schriften II. Darmstadt, 1999. S. 675.

² См.: Heidegger M. Die Grundbegriffe der Metaphysik. Frankfurt am Main, 2004. S. 8.

³ Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. С. 8.

⁴ Там же. С. 228.

всего искать ее и с последней прямою высказывать. Я истину ставлю выше моей родины...»¹

Эти слова — политическое заявление философа, в каком-то смысле стигматизировавшие его имя в Грузии: Мамардашвили — это тот, который истину ставит выше родины! Для националистов он воплощение предательства, для «либералов» — икона против националистов. Но за политическим покровом этого высказывания скрывается *путь философа*, путь который он прошел, его личная «психологическая топология», его произвольный взгляд в сторону универсализма — когда, находясь на родине, живя в ее лоне, фигура Родины внезапно теряет то притяжение, которое сковывает и делает невозможным выход (выбирание) из вечного эмбрионального состояния полурожденности. Тут можно говорить о «мистическом» опыте. Нужно только прислушаться к словам самого Мамардашвили: «растворение себя, ощущение растворенности и неотличимости себя от мира <...>», когда философ или поэт, по словам Пруста, «обменивает свою душу на универсальную душу»².

¹ Мамардашвили М.К. Философия действительности // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. С. 207.

² Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. С. 230.